

Джером Клапка
Джером
Jerome Clarke Jerome

Моя жизнь и время

Классическая английская проза

Джером Клапка Джером Моя жизнь и время

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6735239
Моя жизнь и время: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-079387-7

Аннотация

Имя блестящего английского юмориста Джерома К. Джерома (1859–1927) известно всем и каждому в нашей стране, даже тем, кто ни разу не листал его книг, но смотрел культовую комедию «Трое в лодке, не считая собаки».

Создать столь остроумные, полные доброго юмора произведения мог только наблюдательный, равнодушный человек с огромным литературным талантом, и подтверждение тому его мемуары «Моя жизнь и время».

Эту книгу, как и другие творения автора, невозможно читать без улыбки, но порой знаменитый джеромовский юмор приобретает оттенок грусти. Вспоминая прошлое, писатель приходит к мысли, что главная «битва жизни» – с самим собой, а не за себя...

Содержание

Вступление	4
Глава I	8
Глава II	16
Глава III	23
Глава IV	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джером Клапка Джером

Моя жизнь и время

Вступление

Однажды вечером мы собрались у Филиппа Бурка Марстона – он был слеп, сочинял стихи и жил на Юстон-роуд со своим отцом, драматургом Уэстлендом Марстоном. Дело было около полуночи, и нас уже выгнали от «Пагани».

«Пагани», в то время скромный итальянский ресторанчик на Грейт-Портленд-стрит, посещали в основном иностранцы. В нашей разношерстной компании я был самым младшим, пока к нам не присоединились Джеймс Мэтью Барри и Кулсон Кернахан. Раз в две недели мы, человек десять, ужинали все вместе у «Пагани», по твердой цене в два шиллинга с носа, причем большинство пили кьянти по шиллингу и четыре пенса за полбутылки. После смерти Филиппа Марстона оставшиеся основали клуб «Бродяги». Мы росли и добивались успеха, впоследствии случалось нам угощать и министров с фельдмаршалами... Но душа компании ушла с беднягой Филиппом.

В тот день у «Пагани» разговор шел главным образом о Боге. Кажется, первым эту тему затронул Суинберн, и вскоре разгорелся бурный спор. Одни поддерживали Суинберна, другие взяли сторону Бога. Потом Рудольф Блинд – сын Карла Блинда, социалиста – заспорил с приятелем, чье имя я забыл, по поводу детской коляски. Блинд и его приятель – назову его мистер Икс – купили в складчину коляску. Миссис Блинд и жена приятеля произвели на свет потомство на одной и той же неделе. И все бы хорошо, но миссис Икс подарила своему мужу двойню. Блинд порекомендовал укладывать лишнего младенца поперек коляски, в ногах у двойняшек. Миссис Икс такое решение отвергла, объявив, что не позволит делать из своего ребенка подставку для ног. Тогда мистер Икс предложил выкупить свою долю у мистера Блинда, однако тот возразил, что ему хватит и половины коляски, на большее он не претендует, а иначе ему придется покупать целую коляску – тогда и сумма выкупа должна быть соответствующей. Блинд и мистер Икс все еще препирались, когда в ресторане разом погасли газовые рожки. Таким способом старик Пагани давал знать посетителям, что собирается отойти ко сну.

Для Филиппа любое время дня было темным; он помог нам добраться до двери и пригласил продолжить вечер у него. Он хотел представить меня своему старику отцу – тот болел и, как правило, не участвовал в наших сборищах. К Марстону нас отправилось человек шесть, в том числе доктор Эвелинг (он печатался под псевдонимом Алек Нельсон и был женат на дочери Карла Маркса) и Фредерик Уильям Робинсон, романист, издававший в то время ежемесячный журнал под названием «Родные пенаты». Для этого журнала Барри писал статьи, а я вел ежемесячную колонку под названием «Уголок сплетника». Сопровождала его постоянная картинка с изображением серьезного ослика, заглядывающего через изгородь. Я поначалу возражал против ослика, но Барри его отстоял. Ослик ему очень нравился. Многие авторы, печатавшиеся в «Пенатах», стали впоследствии знаменитыми.

На Фицрой-сквер мы остановились обсудить, уместно ли будет постучаться к Бернарду Шоу и прихватить его с собой. Шоу с некоторых пор привлек внимание полиции как один из самых заметных ораторов Гайд-парка, а затем его имя стало известно широкой общественности в связи с вероломными нападениями, замаскированными под интервью. Представитель очередной вечерней газеты вламывался в скромную квартирку Шоу без всякой иной цели, кроме как запугивать и оскорблять писателя. Многие считали, что Шоу – вымышленный персонаж. Почему он терпит все эти издевательства? Почему не спустит наглого жур-

налиста с лестницы? Почему не позовет полицию, в конце концов? Трудно поверить, что на свете бывают настолько христиански кроткие личности, как этот бедный, затравленный Шоу. На самом деле истории с интервью сочинял он сам. И безусловно, цель была достигнута – о Шоу заговорили. В тот вечер, о котором идет речь, мы все же решили его не будить, по трем причинам. Во-первых, никто не помнил точно номер дома. Во-вторых, никому не хотелось карабкаться на седьмой этаж. В-третьих, и в-последних, шансы были сто к одному, что если даже мы до него доберемся, Шоу к нам не выйдет, а запустит башмаком в первого, кто сунется в дверь.

В те дни Юстон-роуд пользовалась не лучшей репутацией. Я думаю, Марстоны поселились там из-за дешевизны. Филипп своими писаниями зарабатывал очень мало, а у его отца вряд ли могли быть сколько-нибудь существенные сбережения. В те времена считалось, что драматургу очень повезло, если он получает пятьсот фунтов за пьесу. Когда мы пришли, пожилой джентльмен уже лежал в постели, но он поднялся и вышел к нам в халате, знававшем лучшие дни. Незадолго до этого какой-то почитатель прислал Филиппу в подарок отменные сигары, а бутылку хорошего виски можно было купить за три шиллинга шесть пенсов. Итак, мы веселились, как на свадьбе. Отец Филиппа разговорился и много рассказывал об актерах Сэмюэле Фелпсе, Уильяме Макреди и семействе Терри. Вслед за ним Робинсон пустился в воспоминания о Диккенсе и Теккерее, которому он помогал с изданием журнала «Корнхилл», а также о Льюисе и Джордж Элиот. Помню, я громогласно заявил, что намерен написать автобиографию, когда придет время; тогда мне казалось, что это случится еще очень нескоро. Я считал – и до сих пор убежден, – что может получиться замечательная книга, если автору хватит мужества честно и без утайки изложить на бумаге все, что он на самом деле делал, думал и чувствовал в своей жизни. Такую книгу я и собираюсь написать, объяснил я, под названием «Исповедь дурака».

После моих слов наступило внезапное молчание, а до того мы шумели вовсю. Первым заговорил Эвелинг. Он согласился, что подобная книга была бы интересна и поучительна, и название отличное – жаль только, оно уже занято, причем писателем более значительным, чем я, молодым шведом по имени Август Стриндберг. Эвелинг был знаком со Стриндбергом и пророчил ему великое будущее. Книга как раз недавно вышла в немецком переводе. Речь в ней идет всего лишь об одной разновидности человеческой глупости, зато весьма распространенной и многообразной. Героиню этой книги я встретил много лет спустя в Америке. Она все еще была замечательно красива, хотя несколько располнела. Но мне так и не удалось поговорить с ней о Стриндберге. От всех вопросов она отмахивалась легким движением руки, сопровождая этот жест загадочной улыбкой. Любопытно было бы узнать, как выглядела вся история с ее точки зрения.

Большинство нашей компании склонялось к мнению, что книга, о которой я говорил, никогда не будет написана. Жизнеописание Бенвенуто Челлини – чистая мелодрама, даже если там не только вымысел. Сэмюэль Пипс загромоздил свой дневник пустячными подробностями. Руссо, признавшись во вполне безобидной слабости, куда более распространенной, чем он думал, испугался и всю оставшуюся часть книги всячески оправдывал свои пороки и выпячивал добродетели. Ни один человек не напишет о себе всей правды, а если вдруг и напишет, возмущенные читатели, возводя очи горе, станут спрашивать друг друга, неужели действительно бывают такие непонятные люди. Фруд отважился намекнуть, что супружеская жизнь мистера и миссис Карлейль не была вполне безоблачной. Средние классы Англии и Америки, ужаснувшись, пали на колени и возблагодарили Господа за то, что подобные безобразия творятся исключительно в литературных и артистических кругах. Как верно отмечает Джордж Элиот, люди не решаются до конца раскрыться из страха задеть родных и близких. Чтобы наш любимый муж, наша бесценная жена, наша почитаемая матушка в самом деле думали такое, чувствовали этакое, едва не совершили совсем уж неведомо что! Это

слишком мучительно. Общество держится на допущении, что все мы именно такие хорошие, какими нам следует быть. Признаться в своем несовершенстве – значит противопоставить себя всему роду людскому.

А потому любые «Мемуары» и «Мои жизни» неукоснительно следуют условностям. Если мы, разнообразия ради, упоминаем о своих недостатках, то, как в случае с «Векфилдским священником», в этих недостатках – Бог свидетель! – свои черты являет добродетель¹.

Американский издатель, которого мы в шутку прозвали Вараввой, рассказывал, как Марк Твен ему говорил, что работает над книгой воспоминаний, в которой откровенно повествует обо всех, с кем был знаком. Во избежание лишних неприятностей Твен запретил своим душеприказчикам издавать книгу, пока не пройдет по крайней мере двадцать лет после его смерти. Позже, сам познакомившись с Марком Твеном, я спросил, правда ли это. «Чистая правда, – ответил он. – Я расскажу обо всех, с кем встречался, ничего не смягчая». Он прибавил, что перед отъездом из Лондона, возможно, попросит у меня денег в долг и надеется, что я не окажусь гнусным скупердяем. Я до сих пор уверен, что эту мифическую книгу Твен придумал, чтобы его друзья не слишком благодушествовали. По правде говоря, уже после того, как я написал эту главу, книга воспоминаний Твена вышла в свет, но она оказалась далеко не такой злопыхательской, как он грозился. Да и в долг он у меня так и не попросил.

Компания мало-помалу разошлась. Пожилой джентльмен снова лег спать. Филипп попросил меня посидеть еще. Я жил неподалеку, на Тэвисток-плейс. На месте моего бывшего дома сейчас находится институт Пассмора Эдвардса, в то время владельца и главного редактора «Эхо», первой лондонской газеты стоимостью в полпенни. В молодости он был очень дружен с моим отцом. Отец утверждал, что они с Пассмором Эдвардсом ввели в моду гольф на Юге Англии. Не знаю, как эту версию оценят на Страшном суде – возможно, отец просто хвастался. Они играли в гольф на песчаных пляжах Уэстуорд-Хо. Отец тогда держал ферму по ту сторону реки, севернее Инстоу, а окрестности Уэстуорд-Хо представляли собой пустынный кусок побережья, ограниченный с севера высокой грядой гальки. Во время отлива она служила игрокам бункером. Представляю, каково было проходить его во время игры!

Квартиру на первом этаже дома номер девятнадцать на Тэвисток-плейс я делил с приятелем по имени Джордж Уингрейв. Комнаты этажом выше занимали две сестры. Старшая была любовницей некоего джентльмена – весьма известного ныне члена парламента и к тому же мирового судьи, крайне строгого к человеческим слабостям. На следующий день после его женитьбы старшая из сестер покончила с собой. Помню, как хозяйка дома, очаровательная старушка миссис Пиддлс – мы с Джорджем звали ее сокращенно «миссис П.», – ворвалась ко мне с белым перепуганным лицом. Мы нашли девушку без сознания; младшая сестра обнимала ее, стоя на коленях возле дивана. Бедняжка умерла, прежде чем мы успели вызвать врача. На счастье нашего будущего законодателя, отец у него был человек богатый и влиятельный. Кажется, вынесли заключение: «передозировка морфина». Оказывается, наша соседка страдала бессонницей. Она была тихая, замкнутая. А младшая сестра отличалась набожностью.

Когда остальные ушли, Филипп вновь заговорил о воспоминаниях и признался под большим секретом, что когда-то сделал именно то, что мы считали невозможным, – завел дневник, где записывал все мысли, приходившие в голову, все свои мечты и желания. Точнее сказать, не записывал, а печатал. Ослепнув, он достиг виртуозного мастерства в работе с пишущей машинкой. По его словам, дневник представлял собой весьма любопытную меша-

¹ Цитата из стихотворения О. Голдсмита «Покинутая деревня» (пер. А. Парина), а не из его популярного романа «Векфилдский священник». – *Здесь и далее примеч. пер.*

нину. Один Филипп был страшно порочен, преисполнен похоти и разных ужасов, ниже самой последней ползучей твари. А другой был прекрасен и наверняка любим Христом. Вдобавок имелся еще и третий, державшийся особняком. Его Филипп никак не мог разгадать. Он как будто постоянно стоял за спинами первых двух, отстраненно и бесстрастно за ними наблюдая.

«Иногда, – объяснял Филипп, – он смотрит мне в самую душу, и я сжимаюсь от стыда. А бывают редкие минуты, когда он будто сливается со мной и мы становимся единым целым».

От другого я воспринял бы такое как праздную болтовню, но Филипп был человек необычный. Должно быть, трагические события его жизни во многом повлияли на склад его характера. В нем сильно были развиты и животная, и духовная стороны. Должно быть, там, за пологом тьмы, между ними шла жестокая борьба. Я всегда верил, что книга, о которой он говорил тем вечером, существовала на самом деле. Когда он умер, я был за границей. Вернувшись, рассказал о дневнике его отцу, и тот обещал поискать.

Но дневника мы так и не нашли.

Глава I

Ранние годы

Я родился 2 мая 1859 года в Стаффордшире, в городе Уолсолл. Мой отец в то время владел угольными шахтами в Каннок-Чейз, одними из первых в округе, здесь их до сих пор зовут «Джеромовы шахты». Моя мать звалась Маргаритой и была родом из Уэльса – старшая дочь некоего мистера Джонса, поверенного из Суонси. В те непритязательные времена она считалась богатой наследницей. Главным образом на ее деньги и были заложены шахты. В родне матери все были нонконформистами, а отец происходил из пуританской семьи. Мама рассказывала, как они с сестрой еще девчонками частенько шли воскресным утром в церковь под градом камней и комьев земли. В провинции преследование нонконформистов прекратилось только к середине столетия. Отец окончил школу Мерчант-Тейлорс, а затем выучился на архитектора, хотя с самой ранней молодости ощущал, как принято выражаться, «призвание» к профессии священника. До женитьбы он строил в основном молельни, и по крайней мере в двух читал проповеди. Кажется, впервые он поднялся на кафедру проповедника в Мальборо. У меня до сих пор хранится серебряный поднос с надписью: «Преподобному Клэппу Джерому от прихожан Независимой молельни. Мальборо, июнь 1828». В то время отцу не могло быть намного больше двадцати одного. Из Мальборо он переехал в Серенстер и там построил Независимую молельню. Надпись на огромной Библии, преподнесенной ему прихожанками, свидетельствует, что храм открылся 6 июня 1833 года и отец сам вел службу. Сейчас эта церковь на пути к железнодорожной станции перестроена до неузнаваемости, и в ней размещается городская больница. У меня есть фотография этого здания времен отцовской молодости. Не могу сказать, чтобы мир изменился к лучшему с художественной точки зрения.

После свадьбы отец поселился в Девоншире, занялся сельским хозяйством в Эпплдоре, к северу от Бидефорда, и вдобавок заложил каменоломню. Однако страсть к проповедничеству так его и не оставила. Он объехал весь Девоншир, пользуясь всякой возможностью прочесть проповедь. В конце концов отец решил оставить фермерство и переехать в Уолсолл – отчасти надеясь на доход от добычи угля, а отчасти потому, что ему предложили постоянное место проповедника.

Сэр Эдвард Холден из Уолсолла, бодрый джентльмен за девяносто, – мы с ним недавно вместе ужинали, – рассказывал, что проповедовал мой отец замечательно. Послушать его сходились со всего города и окрестностей. Вначале он вел службу в небольшой Независимой молельне, а позже самые зажиточные нонконформисты города объединились и построили конгрегационалистскую церковь на Брэдфорд-стрит. Отец предложил свои услуги в качестве архитектора. Церковь и до сих пор остается городской достопримечательностью. С вершины холма, где она стоит, открывается вид на поля и Каннок-Чейз. Отсюда нетрудно вывести мораль, что лучше было бы отцу следовать заветам Библии, держаться проповедничества, раз уж Господь наделил его таким даром, а заботы о делах земных оставить приверженцам мамоны. Впрочем, добейся он успеха, все наверняка превозносили бы его как заботливого отца, пекущегося о будущем своих детей. В Стаффордшире как раз начался угольный бум, и даже вполне порядочные люди сколачивали состояния буквально на глазах. У отца же вышла классическая история, когда человек с деньгами обращается за помощью к человеку с опытом. К тому времени как отец истратил свое последнее пенни, он уже знал все, что можно узнать полезного о добыче угля, но было поздно. Кажется, затопление ускорило окончательный крах. Однажды, вернувшись поздно вечером – все домашние уже спали, – отец присел на край кровати и насколько мог бережно сообщил маме не такую уж неожиданную новость

о своем разорении. Сверяясь с датой в мамином дневнике, я вижу, что мне в тот день исполнился год.

В катастрофе уцелело несколько сотен фунтов. Мы переехали в небольшой домик неподалеку, в Стоурбридже, а как только устроились, отец, полный решимости до конца надеяться на лучшее, уехал в Лондон, поправить семейное состояние посредством оптовой торговли скобяным товаром. Он арендовал помещение на верфи в бухте Лаймхаус, на Нэрроу-стрит, а для себя снял небольшой дом на Суссекс-стрит, в районе Поплар. В письмах отец называет это жилище «угловой домик с садиком», и мама, видимо, по такому описанию вообразила нечто в сельском духе. Бедняжка! Представляю, какое потрясение она испытала, когда его увидела. Иногда, оказавшись в районе Сити, я сажусь в омнибус, идущий до Ист-Хема, выхожу на Стейнсби-роуд и тихонько заглядываю за угол. Можно понять, почему отец находил тысячу предлогов не вызывать нас к себе. Конечно, его выбор ограничивали недостаток средств и необходимость жить поблизости от конторы. К тому же отец наверняка убеждал себя, что это лишь временное жилище, до тех пор, пока он не сможет позволить себе один из прекрасных особняков в георгианском стиле на Ист-Индия-Док-роуд, где обитали преуспевающие купцы и судовладельцы. Два года отец жил один, отводя на домашние расходы не более пяти шиллингов в неделю. Ибо скобяная торговля отнюдь не процветала, а нас в Стоурбридже было семеро, и всех требовалось прокормить. Мама ничего не знала, пока однажды отца не выдал знакомый, и тогда она взяла дело в свои руки: начала собирать вещи.

Еще раньше на нее обрушилась беда, намного серьезнее любых денежных затруднений. После короткой болезни умер мой младший брат, шестилетний Мильтон. Судя по рассказам, он был необычным ребенком, хотя материнская любовь, быть может, преувеличила его детскую мудрость и набожность. В годовщину его смерти мама неизменно записывала в дневнике – вот, мол, встреча стала еще на год ближе. Последняя запись сделана шестнадцать лет спустя, всего за десять дней до маминой смерти: «Сегодня день рождения милого Мильтона. Уже недолго осталось. Гадаю, изменился ли он».

Смерть брата оставила в семье невосполнимую пустоту. Сестра Бландина, которую мы звали Бланш, была на одиннадцать лет старше меня, а самая старшая, Полина, уже совсем взрослая девушка, вела занятия в воскресной школе и собиралась замуж. Ухаживал за ней механик по имени Гарри Бекет. Мама сперва лелеяла надежду обратить его в свою веру, но отказалась от подобных мыслей, узнав о его победе на открытом чемпионате Стаффордшира по боксу в среднем весе. Она в огорчении сочла, что он «не более чем простой кулачный боец». Догадываюсь, что родители и по другим причинам его не одобряли. Насколько я знаю, закончилось все слезами, и Гарри уехал в Канаду. В восьмидесятых появился снова, неожиданно навестил сестру. Я в то время как раз гостил у нее – к тому времени матери семерых здоровеньких мальчишек и девчонок. Гарри все еще оставался рослым красавцем, добродушным, со смешливым взглядом, а меня как начинающего писателя интересовала вся эта история. Он преуспел в жизни, но так и не женился. Мы провели вечер втроем – муж сестры уехал по делам на север. Гарри, пожалуй, добавлял в свой виски чуть меньше воды, чем следовало бы, но глядя на них, я невольно думал, что жизнь все-таки – азартная игра, в который выигрыш часто достается беспечным, а не благоразумным.

Мои первые воспоминания связаны с путешествием в Лондон. Я помню поезд, убегающие прочь поля и дома, и в конце – громадную гулкую пещеру: Пэдингтонский вокзал, судя по всему. Мама пишет в дневнике, что когда мы приехали, дом был пуст – мебель доставили только через четыре дня.

«Мы с папой и Малышом спали в доме». Должно быть, какая-то мебель все-таки была, ведь отец там жил. Помню, мне устроили постель на полу. Сквозь сон я слышал, как мама с папой разговаривают, сидя у камина.

«Девочек взяла к себе миссис Ричардс, а Фэн и Элиза ночевали у Лэшфордов». Элиза – видимо, служанка. Тетя Фэн – сестра моей матери – жила вместе с нами, чудаковатая старушка с кудельками и бело-розовым личиком. Портреты королевы Виктории в молодости всегда мне ее напоминают.

Первые дни в Попларе запомнились путано и смутно. Когда я подросток, мне разрешили гулять одному, и я подолгу бродил по улицам. Мама была против, но отец считал, что мне полезно – приучает к самостоятельности.

Во время этих одиноких прогулок я хорошо узнал Лондон. Беспросветная нищета ютится совсем рядом с нарядными проспектами, и в самых богатых кварталах найдутся унылые жалкие улочки. Страшнее же всего лондонский Ист-Энд. Нигде больше я не видел такого кромешного ужаса. Жуткое безмолвие измученных улиц. Безжизненные пепельные лица с потухшими глазами проступают из мрака и тут же вновь пропадают. В такой обстановке прошло мое детство – я думаю, от этого у меня склонность к мрачности и меланхолии. Я способен разглядеть смешную сторону вещей, могу повеселиться при случае, но куда ни посмотри, в жизни мне видится больше печали, а не радости. Разумеется, в детстве я ничего этого не осознавал. Главной моей бедой были уличные мальчишки. Заметив меня, они мгновенно поднимали крик. Я удирал в страхе, боясь не столько тумачков, как насмешек и издевок. Мама объясняла – меня дразнят потому, что я джентльмен. Отчасти ее слова меня утешали, а со временем я научился уходить от погони, петляя извилистыми переулками. А пока преследователей не было видно, я мог со спокойной душой о них забыть. Должно быть, примерно так живет заяц. Но как-то же он привыкает к такой жизни. Бывают и у него счастливые минуты, когда, обхитрив своих врагов, он восседает на пригорке и гордо озирает окрестности.

У отца было два племянника, оба врачи. Один жил в Боу, другой в Плейстоу – в то время обыкновенной деревушке. В пригородный район Боу можно было добраться по Бердетт-роуд. Вдоль дороги велось строительство, но кое-где еще тянулись неухоженные поля и пастбища. Дальше располагались парк Виктория и симпатичный старосветский городок Хэрни, а еще дальше к северу – Стоук-Ньюингтон, где обитали важные господа, разъезжающие в собственных экипажах. Помню, одного такого мы часто навещали с сестрой Бландиной. В мамином дневнике говорится, что в то время отец затеял новый грандиозный проект: ни больше ни меньше как строительство железной дороги. Куда и откуда, не знаю. В дневнике она названа просто «папина железная дорога». Для нас то был путь из страны Бедности в царство Заветной мечты. Видимо, визиты в Стоук-Ньюингтон были связаны с этим проектом. У кованых чугунных ворот нас встречал очень старый джентльмен – по крайней мере мне он казался ужасно старым – с блестящей лысиной и толстыми пальцами. Сестра передавала ему какие-то бумаги, перевязанные красной ленточкой. Старый джентльмен разворачивал бумаги, раскладывал их на столе, что-то писал, все это сопровождалось долгими разговорами, за которыми следовало роскошное угощение. После чая он брал сестру за руку своими жирными пальцами, и они шли гулять в сад, а я оставался в обществе большого количества конфет и книжек с картинками. Сестра возвращалась, нагруженная гостинцами для мамы – виноградом и персиками. При малейшем намеке на дождь нас отправляли домой в карете с мягкими сиденьями и резвыми лошадьми. Чтобы не слишком травмировать соседей, экипаж останавливался в конце Бердетт-роуд, немного не доезжая до Суссекс-стрит, и остаток пути мы с сестрой шли пешком.

Визиты наши становились все чаще, и все росли мамины надежды на «папину железную дорогу», пока однажды сестра не прибежала из сада с пустыми руками и со страхом в глазах. На этот раз мы не поехали в экипаже, а быстрым шагом добрались до станции Далстон и там сели в поезд. Я видел, что сестра плачет под вуалью. Было, кажется, начало ноября. Помню, я спросил сестру, не хочет ли она посмотреть процессию лорд-мэра. Запись

в мамином дневнике от шестнадцатого ноября: «С папиной железной дорогой все кончено. Какое горе. Что ни предпримет мой муж, ничего не удастся. Словно Господь оставил нас своей милостью».

Кажется, даже отец на какое-то время потерял надежду. Через пару страниц я читаю: «Милый Джером поступил на службу к мистеру Рамблсу. Сто фунтов в год, с девяти до восьми. Очень тяжело на душе».

Тринадцатого ноября мама сообщила Элизе, что мы больше не можем платить ей жалованье. «Она плакала, не хотела уходить».

«Второе декабря. У Джерома украли часы. Золотые, с выгравированным гербом, мой подарок на свадьбу. Неисповедимы пути Господни!»

Четвертого декабря, кажется, проглянуло солнышко. «День рождения милой Бландины. Подарила ей свои золотые часы и медальон. Девочка так радовалась. Приходила милая Полина. День прошел радостно, несмотря на наши тяжелые испытания». Однако в начале следующего года тучи вновь сгустились.

«Двенадцатое января. Наступили страшные морозы. В парке Виктория катание на коньках при свете факелов. Уголь подорожал на восемь шиллингов за тонну. Ужасно. Молю Господа избавить нас от такого несчастья».

«Восемнадцатое января. Неожиданно для всех началась оттепель. Катание на коньках при свете факелов отменяется. Уголь снова подешевел, как раз когда наши запасы подходили к концу. “Вы лучше многих малых птиц”²».

Сестры, насколько я понял, время от времени поступали на службу. Вероятно, гувернантками – единственный вид заработка, доступный девушкам благородного происхождения. Читаю в дневнике: «Полина уехала в Рамсгейт. Ах, если бы можно было жить всем вместе, как раньше!» И чуть ниже, на той же странице: «Бланш переехала к миссис Тернер. Страдаю от одиночества. Слишком темна и терниста дорога».

Спустя неделю или две я тоже уехал – к счастью, ненадолго, всего лишь погостить к друзьям на севере Лондона. Проводив меня до станции, мама вернулась в пустой дом и записала: «Милый Лютер уехал такой счастливый. Милосердный Отче, защити и сохрани моего ягненка, пусть он благополучно вернется домой!»

Слово «Лютер» напомнило мне один любопытный случай. В детстве меня называли Лютером, чтобы отличить от отца, – его крещеное имя тоже было Джером. Года два назад на Пэддингтонском вокзале ко мне вдруг подошла какая-то дама и спросила, не зовут ли меня Лютер Джером. Я почти полвека не слышал этого имени и вдруг словно перенесся в прошлое на машине времени, придуманной мистером Уэллсом: вокзал с оглушительным грохотом исчез (возможно, то гремел подъезжающий поезд шесть пятнадцать), и умершие ожили вновь.

Оказалось, мы с этой дамой в детстве играли вместе – там, в Попларе. С тех пор ни разу не виделись. Присмотревшись, она согласилась, что я немного изменился. Сказала, что «узнала по глазам». Очень необычно.

Примерно в то время мама отчего-то начала надеяться, что мы сможем вернуть себе ферму в Девоншире, куда отец привез ее после медового месяца, и что она сможет там остаться до старости. На этой ферме, к северу от Бидефорда, на левой стороне реки, имелась полуразрушенная башня. Результаты давних раскопок убедительно доказывали, что основателем нашего дома был некий Клапа, датчанин, купивший эту землю около тысячного года от Рождества Христова. Видимо, этот Клапа и придумал наш семейный герб: рука, сжима-

² Ср. Мф. 10:29–10:31 «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц».

ющая боевой топор, с надписью по кругу: «Deo omnia data»³. Впрочем, история умалчивает, какой частью своего достояния Клапа был обязан Богу и какой – своему боевому топору, что был найден, покрытый ржавчиной, рядом с его захороненными костями. Как бы то ни было, в маминой голове накрепко засела мысль, будто ферма по какому-то неотъемлемому праву все еще принадлежит нам. На каждой странице дневника мама говорит о ней: «наша ферма». Видение фермы просвечивает сквозь смыкающиеся вокруг нас убогие улицы, среди которых закончилась мамина жизнь. Вот одна из записей: «Милый Джером рассказывал о Нортоне и о нашей ферме. Почему бы и нет? Все возможно, будь на то Божья воля». Примерно тогда же нам доставили большую корзину с гостинцами от Бетси, фермерши. До маминого замужества она была молочницей и вышла замуж за возчика. С корзиной прибыло и письмо от Бетси, с новостями по поводу Нортон – не знаю, что за «Нортон». Мама пишет:

«Что ж, и это может нам возратить Господь. Ах, если бы мне побольше веры!»

Среди всех бедствий у отца с мамой оставалось одно утешение: любовь друг к другу. Она прочитывается на каждой странице дневника. Вот запись о печальном событии – серьезно заболела Полина. Мама навещала ее.

«Милосердный Отче, дай мне силы не потерять веру в Тебя, хотя беды обрушиваются на нас одна за другой, не успеваем опомниться. Вернулась домой вместе с папой. Его любовь так крепка и неизменна. Миссис Картрайт прислала яблоки и банку сливок, а миссис Э. – пару ботинок для Лютера. Вовек милость Его».

«2 мая 1865 г. Маленькому Лютеру шесть лет. Подарила ему голубя. Папа подарил “Робинзона Крузо”».

Приблизительно в это время, к великой радости мамы, я, как принято говорить, «приобщился к религии». Стал пить чай без сахара и раз в неделю жертвовал двухпенсовик на школу для бедных на Триколт-стрит, а по воскресеньям рассматривал картинки в Библии и в «Книге мучеников» Фокса. Эта книга была в большом почете среди благочестивых людей, и малышей всячески поощряли наслаждаться изображениями чудовищных пыток. Быть может, намерения у старины Фокса были благие, но его книга потворствует жестокости и любострастию.

Еще меня сильно тревожили мысли об аде. Я посоветовал бы нашим церковным иерархам прийти наконец к единому мнению по этому вопросу и объявить результат во всеуслышание. Когда я был маленьким, большинство людей благочестивых принимали как непреложный факт существование материального ада. Ребенку с воображением такая идея способна причинить нешуточные страдания. Из-за нее я возненавидел Бога, а позднее, когда развивающийся интеллект отверг представление о материальном аде как абсурд, я начал презирать религию, которая навязывает нам подобное учение. Считается, что спастись от вечных мук очень просто: нужно верить. А как узнать, достаточно ли сильна твоя вера? В то время на пустыре на берегу Лаймхаус-канала высилась громадная куча мусора. Местные жители называли ее горой. В виде эксперимента я помолился, чтобы гора исчезла. Это было бы несомненным благом для всего района, а гора была совсем небольшая по сравнению с картинками в книгах. Я думал, на нее моей веры хватит, но сколько ни простаивал по вечерам на коленях, утром гора неизменно оказывалась на месте. Я не сомневался, что это из-за моего маловерия, и приходил в отчаяние.

Еще один страх преследовал меня в детстве – страх смертного греха. Если бы только знать, в чем он состоит! Тогда его можно было бы избежать. Я жил в постоянном ужасе, как бы не совершить смертного греха по ошибке. Однажды, не помню уже по какому случаю, я назвал тетю Фэн чертовой дурой. Она была глухая и не расслышала, а я всю ночь метался

³ Все от Бога (лат.).

в кровати, глаз не мог сомкнуть. Мне вдруг представилось, что это и есть смертный грех. Правда, уже и в столь юном возрасте я не мог не задуматься о том, что тогда в нашем приходе найдется немало закоренелых грешников. Мама утром сняла тяжесть с моей души, хоть и отнеслась к происшествию очень серьезно, и мы с ней вместе, стоя на коленях в предрасветных сумерках, молились о прощении.

Возвращаюсь к дневнику.

«1 января 1866 г. Как бежит время, со всеми горестями, метаниями, со всеми неосуществленными надеждами. Но все проходит, и в конце ждет вечное, неизмеримое блаженство. Доктор Камминг предсказывает, что этот год будет последним. Похоже, он упускает из виду Второе пришествие Христа и великую радость, когда праведники объединятся с язычниками. Провела вечер у наших друзей на Бедфорд-сквер. Было очень хорошо».

«31 января. Старый Вуд снова сделал предложение. (Моей сестре Бландине, как я понимаю. Несомненно, Вуд – тот самый лысый пожилой джентльмен из Стоук-Ньюингтона.) Господь в своей милости не дал ей прельститься богатством. Однако путь наш темен и полон печали».

«22 мая. Молитвенное собрание на Кэннон-стрит. Папа произнес прекрасную речь. По дороге домой простыла».

«7 июня 1867 г. Годовщина свадьбы. Двадцать пять лет мы вместе переносим радости и горести, благодать и испытания нашего трудного пути. Несмотря ни на что, мы можем сказать: “До сего места помог нам Господь”. Ах, но когда же настанет вечер? “Лишь в вечернее время явится свет”».

«30 июня. В 3.45 утра услышала странный шум. Спустилась посмотреть, в чем дело. Из комнаты выскочила черно-белая пятнистая кошка. Клетка малютки Феи стояла открытая, перышки рассыпались по полу. Я громко вскрикнула, все сбежались и вместе оплакивали потерю, но что толку? Уже собирались вновь ложиться спать, как вдруг из комнаты Лютера послышался крик. Я бросилась назад и увидела в гостиной нашу испуганную птичку – она цеплялась коготками за муслиновые занавески и охотно пошла опять в клетку. Мы были сами не свои от радости. Как птичка спаслась – загадка. Должно быть, Господь знал, как мы будем горевать о ней».

«18 июля. С утра поехали в Эпплдор. Хотя об этой поездке мы говорили давно и заранее радовались, все же я и представить не могла, как нас с детьми замечательно встретят. Оказывается, они помнят все хорошее, что я им когда-то сделала, даже то, о чем сама уже забыла. Нас окружили самой трогательной заботой, и мы чудесно провели время. Эта поездка – словно живительный дождь после долгой тоскливой засухи».

Для меня та поездка тоже была словно взгляд в другой, непривычный мир. Совсем маленьким, в Стоурбридже, я, вероятно, видел деревню, но совершенно ее забыл. Всю дорогу я не отлипал от окна. В Инстоу приехали под вечер. Старый паромщик вышел навстречу, улыбаясь во весь рот. Мама сердечно с ним поздоровалась, и во все время переpravы они разговаривали, упоминая незнакомые мне имена и названия. Мама то смеялась, то вздыхала. Я впервые оказался на лодке и очень старался скрыть свой страх. Вдруг я споткнулся обо что-то мягкое, оно поднялось и устало на меня – мы оказались почти одного роста. Наверняка в Попларе тоже были собаки, но я их никогда не встречал, а уж такую громадину и подавно. Я зажмурился в уверенности, что меня сейчас разорвут на куски, но пес только облизал мне все лицо, так что шапка слетела с головы. Старик паромщик прикрикнул на него, и тот с плеском бросился в воду. Я думал, он утонет, и громко закричал, но все только смеялись. На другой день я встретил этого пса, живого и здорового.

На берегу столпилась кучка детей. Они не дразнили меня и не гримасничали, а рассматривали с застенчивым любопытством. Мама с сестрами их расцеловали, и вскоре вокруг собралась толпа взрослых. Они нескоро нас отпустили. Помню, как мы взбирались по кру-

тому склону. Уличных фонарей я там не видел, но нас постоянно окружал какой-то причудливый свет, словно мы попали в волшебную страну. Я впервые поднимался на холм. Приходилось высоко поднимать ноги и наклоняться вперед. Ощущение такое, будто тебя тянут назад. Все это было очень странно.

Дни слились в один, я не могу их разделить. Помню длинный ряд низко согнувшихся жнецов на желтом поле – мне было жаль колосья, падающие под серпом. Однажды вечером я убежал потихоньку из дома и впервые увидел луну. Сперва заметил свет между деревьями и хотел удрать, но что-то меня удержало. Луна поднималась все выше, и наконец я смог ее рассмотреть. Я безотчетно опустился на колени, протягивая к ней руки. Когда я слышу шуточное выражение «захотеть луну с неба», всегда вспоминаю тот вечер. Помню, по вечерам солнце опускалось в море за островом Ланди, и окна фермы, где мы жили, становились красными, как кровь. Конечно, солнце иногда заглядывало и на Суссекс-стрит, но там оно было чахлое, тусклое и скоро пряталось. Я никогда раньше не видел его таким ярким и радостным. Мы устраивали пикники наверху старой серой полуразрушенной башни, что все еще стоит на берегу. Ходили в гости к соседям-фермерам и к старым друзьям в Бидефорде, где нас угощали вареньем из яблок нового урожая и густыми девонширскими сливками, которые можно мазать на хлеб. Мы ели пироги с бараниной и яблоками, сладкий творог с мускатным орехом и пили сидр из больших чаш, словно боги.

Однажды по дороге домой я потерялся – кажется, это было в Тонтоне. Мы вышли из поезда перекусить. Мама думала, что сестры приглядывают за мной, а они решили, что я с мамой. Я думал, что мы никогда больше не встретимся, невзирая на все уверения полного джентльмена с золотыми пуговицами и в фуражке с галуном. Помню, меня утешила мысль, что по крайней мере такое приключение достойно записи в дневнике. Никто, кроме тети Фэн, не знал, что я втайне собираю материал для книги, героем которой буду я сам. Должно быть, эту затею с писательством я сам и придумал. Хотя отец и мог претендовать на родство с Ли Хантом, не припомню, чтобы он когда-нибудь говорил о литературе. Спустя немного времени джентльмен с золотыми пуговицами вернулся и привел с собой леди. Она села рядом со мной и пообещала отвести меня к маме. Ее спокойная доброжелательность вызывала доверие. Я рассказал ей о книге и о том, что хочу включить в нее это странное и волнующее происшествие. Леди одобрила и сказала, что у меня непременно все получится, потому что подход правильный. «В мире есть всего один человек, которого знаешь по-настоящему. Вот о нем и пиши. Конечно, можно его называть разными именами».

Словно по волшебству, мы с доброй леди добрались до Пэдингтонского вокзала первыми, и мама, выйдя из поезда, сразу нас увидела. Сама не своя от радости, она тревожилась только, не слишком ли много беспокойства я причинил, но добрая леди уверяла, что ей со мной было очень интересно. «Люблю слушать, когда люди говорят о себе», – объяснила она со смехом и сразу куда-то пропала.

Возвращаясь к нашей жизни в Попларе: как видно, дела наши чуть-чуть поправились – мы снова наняли служанку. Далее в мамином дневнике они то появляются, то исчезают.

«11 ноября. Джейн очень груба. Я почувствовала, что она вот-вот предупредит об уходе, и уволила ее первой. В наше время прислуга была совершенно другой!»

«2 декабря. Джейн ушла. Появилась Сара. В любом случае будет не хуже той».

Запись от 16 декабря 1868 года сообщает, что я поступил в школу – главным образом благодаря помощи некоего мистера Хэлфорда. Школа на углу Лиссон-Гроув сейчас называется Мэрилебон, а тогда звалась Филологической школой. Я читаю: «Мы все очень волновались, но Господь благословил папины труды. Школьный комитет сегодня экзаменовал Лютера. Милый мальчик сдал блестяще! Учеба начнется в январе. Пора прекращать звать его Малышом».

Так закончилось детство. Мне оно запомнилось как счастливое время. Лишь годы спустя я узнал, как бедны мы были, какую долгую и трудную борьбу с судьбой пришлось вести отцу и маме. Мне в то время казалось, что нам очень неплохо живется. Мы занимали самый большой дом на Суссекс-стрит. С трех сторон его окружал сад, где росли резеда и настурции, – мама их поливала по вечерам. Обставлен дом был, по моему мнению, лучше всех домов на свете: фарфор, красивые картины и фортепьяно, а на окнах шторы, вытканые камчатным узором. В гостиной висели мамин и папин портреты кисти Мьюрхеда. Когда приходили гости, мама ставила на стол серебряный чайник и старинный суонсийский сервиз – она всегда мыла его сама, никому другому не позволяла. Спали мы на кроватях красного дерева, а в папиной комнате стоял Большой комод. Верхний ящик всегда был заперт, но когда-нибудь настанет время и папа его откроет, вот тогда мы и увидим... Даже мама признавалась, что не знает наверняка, что именно там хранится. Папа раньше был большим человеком, и непременно снова будет. Он носил цилиндр и трость с золотым набалдашником. А мама была очень красивая, и когда не хлопотала по хозяйству, надевала шелка и настоящее кружево. Еще у нее была индийская шаль такой тонкой работы, что ее можно было протащить через обручальное кольцо. Мои сестры умели петь и музицировать, а выходя из дома, всегда надевали перчатки. У меня был выходной костюмчик на воскресные дни и для походов в гости, и еды всегда вдоволь. Мама в дневнике постоянно тревожится, что я недостаточно хорошо питаюсь для растущего мальчика, но я ничего такого не замечал. Бывало у нас такое блюдо, под названием «хлеб в молоке» – сладкое и питательное, я его очень любил. К чаю иногда подавали патоку, а к ужину – хлеб, густо намазанный смальцем. По воскресеньям обед непременно включал мясное блюдо и десерт. Если мир устроен так, как верила мама, то она давно уже знает, что страхи ее были напрасны, – я вырос на редкость здоровым и крепким. Но лучше бы ей знать об этом заранее – тогда при жизни хоть одной из многих забот было бы меньше.